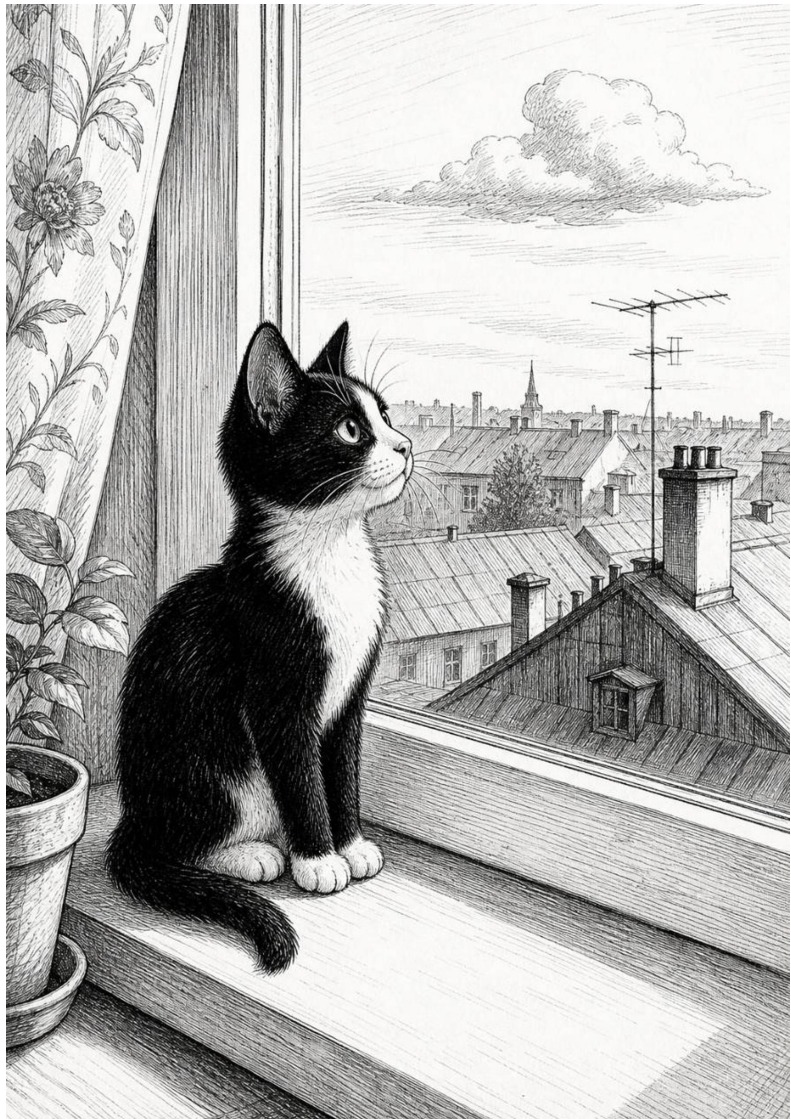

Ольга Ковру

Котик Ляпа исследует мир

<https://litres.ru/74192502>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький чёрно-белый котик Ляпа уверен: каждая вещь в мире что-нибудь скрывает. За стеклом живут дальние крыши и непослушные облака, под диваном начинается таинственная страна, пылесос оказывается Громким Брюхом, а обычная дверь пахнет настоящей улицей.

Вместе с добродушным псом Бубликом, воробьём Чиком и старым котом Филимоном Ляпа знакомится с дождём, ночью и первым снегом, учится замечать чужой взгляд на мир, помогать друзьям и не убегать от неизвестного слишком рано.

«Котик Ляпа исследует мир» — сборник из двенадцати добрых рассказов о любопытстве, дружбе и маленьких открытиях, благодаря которым знакомый дом становится больше, а огромный мир — немного ближе.

Содержание

Оглавление	4
Подоконник и дальние крыши	5
Громкое Брюхо	13
Карта под диваном	23
Дверь, которая пахнет улицей	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Ковру

Котик Ляпа исследует мир

Оглавление

Подоконник и дальние крыши

Громкое Брюхо

Карта под диваном

Дверь, которая пахнет улицей

Пес Бублик и неправильная дружба

Воробей, который все видел

Дождь на усах

Ночная миска

Пропавший хвост мышки

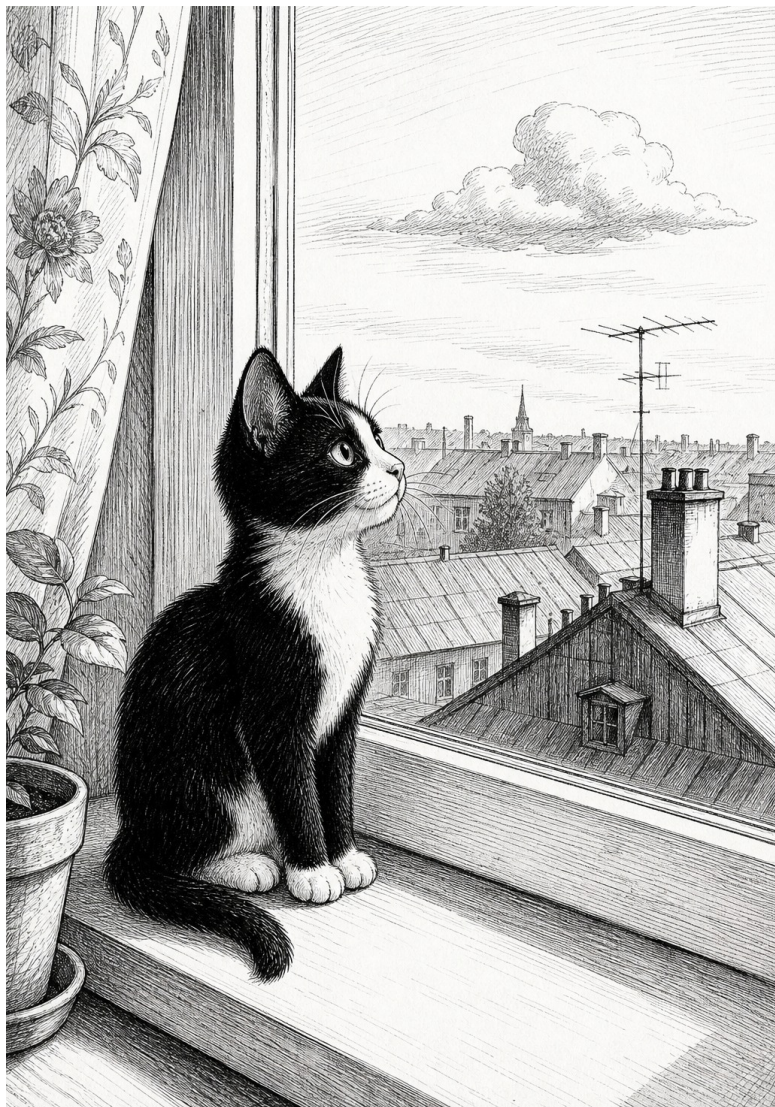
Первый снег и белая ошибка

Большая коробка для маленького кота

Ляпа составляет список мира

Подоконник и дальние крыши

Автор: Ольга Ковру

Утро лежало на подоконнике теплым прямоугольником.

Ляпа нашел его сразу. Он вообще хорошо находил теплые места: на ковре, возле батареи, на краю дивана, где вчера долго лежал плед. Но это место было особенное. Оно было высоко, почти у самого окна, и оттуда виден был мир, который начинался прямо за стеклом.

Ляпа запрыгнул на стул, со стула на стол, со стола на подоконник и сел очень ровно. Так ровно, будто его назначили главным смотрителем утра.

Он был маленький, гладкошерстный, черно-белый. Белые носочки на лапках аккуратно стояли рядом, черная спинка блестела на солнце, а белая мордочка с розовым носом и черной маской вокруг глаз придавала ему такой серьезный вид, что даже пылинки в воздухе, казалось, летели тише.

За окном было много всего.

Сначала Ляпа увидел крышу соседнего дома. Она была серая, широкая и немного мокрая после ночи. Потом он увидел трубу, из которой лениво поднимался дымок. Потом антенну, похожую на высохшую веточку. Потом дальние крыши, совсем маленькие, будто их кто-то сложил на краю неба и забыл убрать.

Ляпа подался вперед.

Усы коснулись стекла.

Стекло было прохладное.

Ляпа отдернул нос и прищурился.

Это была странная дверь. Через нее можно было видеть все: крыши, трубу, небо, тонкое облако, которое медленно плыло над домами. Но пройти через нее было нельзя. Даже носом.

Ляпа постучал лапой.

Тук.

Облако не остановилось.

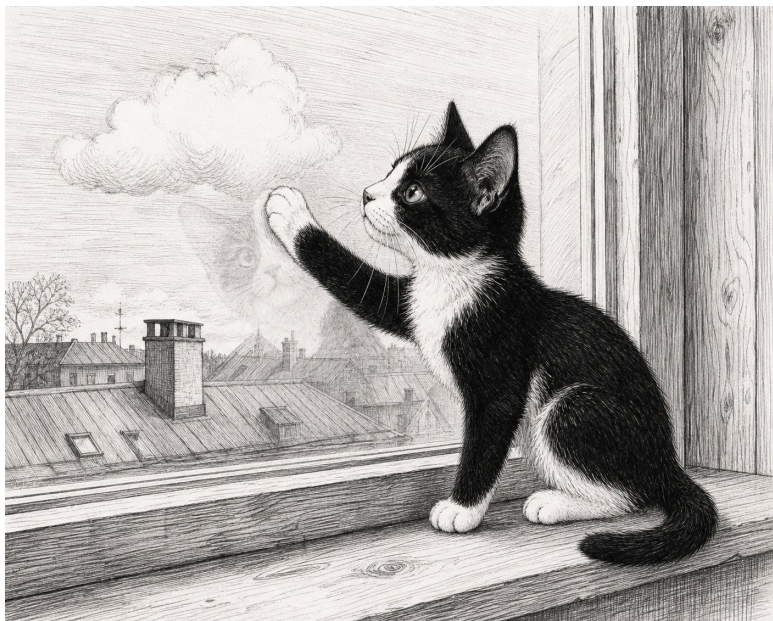
Ляпа постучал еще раз.

Тук-тук.

Труба продолжала выпускать дымок, крыши продолжали лежать на своих местах, а облако даже не оглянулось.

Тогда Ляпа решил действовать серьезнее. Он поднял переднюю лапу, вытянул коготки совсем чуть-чуть и попытался подцепить край облака. Облако было белое, мягкое на вид и очень похоже на клочок ваты, который иногда выпадал из старой игрушечной мыши.

Лапа скользнула по стеклу.

Облако уплыло дальше.

Ляпа нахмурился. Он попробовал другой лапой. Потом двумя сразу. Потом прижался белой грудкой к окну и сделал такую мордочку, какую делают котята, когда мир ведет себя неправильно.

Мир за стеклом вел себя совершенно неправильно.

Он был рядом, но не давался в лапы.

Сзади тихо подошла мама-кошка Олли. Она не стала ничего объяснять. Просто запрыгнула на подоконник рядом и

села так спокойно, будто с этой прозрачной дверью была знакома уже давно.

Ляпа посмотрел на нее.

Олли смотрела за окно.

Ляпа тоже посмотрел.

Теперь облако было уже дальше. Зато на крыше появилась маленькая темная точка. Она прыгнула раз, другой, третий, потом расправила крылышки и стала воробьем.

Ляпа замер.

Воробей прошелся по краю крыши так важно, словно крыша принадлежала ему от трубы до самой антенны. Он наклонил голову, клюнул что-то невидимое и вдруг вспорхнул.

Ляпа ахнул по-кошачьи: без звука, но всем телом.

Воробей перелетел на другую крышу.

Потом еще дальше.

Потом стал почти точкой.

Ляпа больше не стучал по стеклу. Он сидел и смотрел.

Оказалось, если долго смотреть, мир за окном не становится ближе, зато в нем все время что-нибудь происходит. Дымок меняет форму. Солнце переползает с одной трубы на другую. Облако вытягивается, как сонный кот. На дальнем балконе качается забытая ленточка. Где-то далеко блестит окошко, будто кто-то открыл маленький кусочек света.

Ляпа смотрел так внимательно, что забыл сердиться.

И тут он заметил еще одного котика.

Котик сидел прямо в окне.

Он был черно-белый, с белой грудкой, белыми носочками на лапках, розовым носом и черной маской вокруг глаз. Он тоже смотрел очень серьезно. И когда Ляпа наклонил голову, котик наклонил голову. Когда Ляпа поднял лапу, котик тоже поднял лапу.

Ляпа осторожно коснулся стекла.

Котик коснулся его лапы с другой стороны.

Это было удивительно.

Ляпа не понял, живет ли тот котик за прозрачной дверью или внутри нее. Может быть, это был хранитель дальних крыш. Может быть, он тоже пытался поймать облако и тоже не смог. А может быть, мир был устроен еще хитрее, чем казалось утром.

Олли мягко коснулась Ляпиного уха носом.

Ляпа моргнул.

Котик в стекле тоже моргнул.

Тогда Ляпа лег на подоконник, поджал белые лапки и положил подбородок на теплое дерево. За окном крыши уходили все дальше и дальше, пока не становились тонкой линией под небом.

Он еще не знал, как туда попасть.

Он еще не знал, что находится за серой крышей, за трубой, за антенной и за тем местом, куда уплыло облако.

Тепло под подбородком становилось все мягче, а дальние крыши не приближались ни на ус.

Зато Ляпа уже не сердился на стекло.

А за стеклом тем временем появилась новая тень, быстрая и крылатая. Она скользнула по крыше и исчезла там, где утро было особенно ярким.

Ляпа поднял голову.

Ляпа снова устроил подбородок на подоконнике.

Смотреть, оказывается, тоже было делом.

Громкое Брюхо

Автор: Ольга Ковру

Утро началось слишком тихо.

Ляпа сразу это заметил.

Обычно дом просыпался постепенно. Сначала где-то щелкала батарея. Потом на кухне начинал сопеть Дракончик с паром. Потом в коридоре тихонько скрипела половица, а занавеска у окна вздыхала от сквозняка.

Но сегодня все молчало.

Ляпа лежал на коврикe возле дивана и слушал. Его черный хвост медленно шевелился из стороны в сторону. Белые носочки были спрятаны под грудкой, а длинные усы смотрели вперед, как тонкие стрелки.

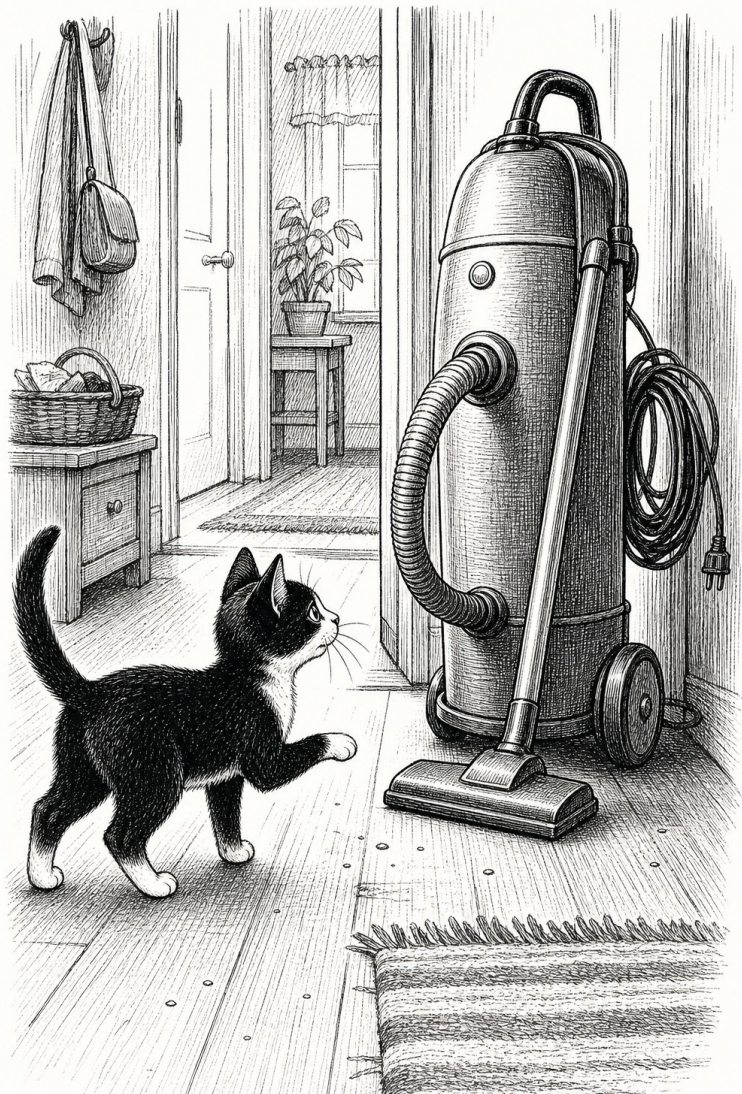
Тишина была не пустая.

В ней что-то пряталось.

Ляпа поднялся, потянулся и осторожно пошел к коридору. Там, возле стены, стоял странный предмет.

Вчера его там не было.

Он был высокий, серый, пузатый, с длинным хвостом, свернутым кольцами. На боку у него блестела круглая кнопка, а из живота торчала черная трубка.

Ляпа остановился.

Предмет молчал.

Ляпа сделал шаг ближе.

Предмет все еще молчал.

Тогда Ляпа вытянул шею и понюхал его.

Пахло пылью, шкафом, железом и чем-то таким, что обычно живет под диваном и выходит наружу только тогда, когда его случайно заденут лапой.

Ляпа сел.

Это было подозрительно.

Он уже знал, что некоторые вещи притворяются обычными. Прозрачная дверь, например, показывала крыши, но не пускала к ним. Коробки с виду были пустыми, а внутри могли превращаться в пещеры. Даже носок иногда лежал тихо, пока вдруг не оказывался добычей.

А этот серый пузатый предмет выглядел так, будто ел тишину.

Ляпа назвал его Громким Брюхом.

Имя подошло сразу.

Громкое Брюхо стояло в коридоре и делало вид, что ничего не слышит.

Ляпа обошел его кругом. Сзади у Брюха был хвост-шнур. Спереди — длинный нос-трубка. На боку — колесики. Значит, оно могло ездить.

Ляпа не любил, когда незнакомые животные могли ездить.

Он протянул лапу и легонько тронул трубку.

Трубка качнулась.

Ляпа отпрыгнул.

Громкое Брюхо не бросилось за ним.

Это было хорошо.

Ляпа снова подошел. На этот раз он постучал по серому боку.

Тук.

Изнутри ничего не ответило.

Тук-тук.

Тишина.

Ляпа уже начал думать, что Громкое Брюхо, возможно, не такое уж громкое. Может быть, оно просто большое и стеснительное. Может быть, оно заблудилось и теперь ждало, когда кто-нибудь покажет ему дорогу к шкафу.

И тут Брюхо проснулось.

Оно взревело.

Не мяукнуло, не фыркнуло, не зашипело, а именно взревело всем своим серым пузом. Воздух задрожал. Коврик дернулся. Пылинки взлетели с пола и закружились, будто их позвали на срочный совет.

Ляпа подпрыгнул так высоко, что сам удивился.

Потом его белые носочки очень быстро понесли его под кресло.

Под креслом было темно, тесно и надежно. Там пахло деревом, старой ниткой и одним давно забытым сухариком.

Ляпа прижался животом к полу и смотрел наружу круглыми глазами.

Громкое Брюхо ехало по комнате.

Оно рычало.

Оно водило длинным носом по полу.

Оно втягивало пыль, крошки и легкие шерстинки, которые до этого спокойно лежали где хотели. Особенно страшно было то, что Брюхо ничего не жевало. Оно просто глотало все своим длинным носом и рычало еще громче.

«Оно голодное», — решил Ляпа.

Это объясняло многое.

Голодные существа обычно ведут себя странно. Ляпа сам однажды пытался поймать собственный хвост перед завтраком и потом не хотел об этом вспоминать.

Громкое Брюхо подъехало к коврику.

Ковер зашуршал.

Ляпа сжал лапы под собой.

Потом Брюхо приблизилось к креслу.

Очень близко.

Его длинный нос сунулся под край.

Ляпа увидел черную трубку прямо перед собой и отодвинулся назад, насколько мог. Сзади был только угол, сухарик и пыльный клубочек.

Трубка фыркнула.

Пыльный клубочек исчез.

Ляпа открыл рот, но мяу не вышло.

Трубка фыркнула еще раз.

Сухарик исчез тоже.

Это было уже серьезно.

Ляпа подумал, что если Громкое Брюхо съест весь дом по кусочкам, то сначала пропадут пылинки, потом сухарики, потом коврик, потом кресло, а потом, возможно, и сам Ляпа. Хотя Ляпа был не пыльный. Почти.

И тут рядом с креслом появилась мама-кошка Олли.

Она не пряталась.

Она сидела посреди комнаты, обвив лапы хвостом, и смотрела на Громкое Брюхо так спокойно, будто оно было просто слишком шумной погодой.

Брюхо проревело мимо нее.

Олли даже ухом не повела.

Ляпа не понимал, как можно не бояться существа, которое глотает сухарики без предупреждения.

Но если Олли сидела спокойно, значит, в мире оставалось место для размышлений.

Ляпа высунул из-под кресла один ус.

Потом второй.

Потом нос.

Громкое Брюхо уже уехало к шкафу. Там оно сердито урчало у самого плинтуса.

Ляпа вылез наполовину и стал наблюдать.

Оказалось, Брюхо не ест все подряд. Оно не трогало ножку стола. Не трогало тапок. Не трогало маму-кошку Ол-

ли. Оно глотало только то, что лежало маленькое, легкое и ненужное: пыль, крошки, шерстинки, странные серые комочки.

Ляпа подумал.

Может быть, Громкое Брюхо было не голодное.

Может быть, оно убирало.

Эта мысль была почти такой же странной, как прозрачная дверь.

Брюхо еще немного порычало в коридоре, потом вдруг замолчало.

Тишина вернулась сразу, но стала другой. В ней больше не пряталось ничего серого и пузатого. Она была чистая, свежая и немного уставшая.

Ляпа осторожно вышел из-под кресла.

Пол стал гладким. Пылинки исчезли. Сухарика тоже не было, но Ляпа решил не грустить о нем слишком долго.

Он прошел по комнате, принюхиваясь. Возле дивана пахло иначе. Там, где раньше лежал пушистый серый комочек, теперь виднелось что-то круглое и синее.

Ляпа замер.

Это был его мячик.

Тот самый мячик, который пропал три дня назад. Ляпа уже думал, что он укатился в дальние земли под шкафом и стал там королем потерянных вещей.

А он просто прятался в пыли.

Ляпа тронул мячик лапой.

Мячик покатился.

Ляпа догнал его.

Мячик отскочил от ножки стола и весело вернулся обратно.

Ляпа поймал его двумя белыми носочками и оглянулся на серое Брюхо, которое теперь снова стояло в коридоре и

молчало.

Оно уже не казалось таким страшным.

Все еще громким.

Все еще пузатым.

Все еще подозрительным.

Но не страшным.

Ляпа подошел к нему на расстояние вытянутой лапы и тихонько сказал:

— Мрр.

Громкое Брюхо ничего не ответило.

Зато в его молчании уже не было прятков. Только отдых после важной работы.

Ляпа взял мячик зубами и понес его к коврику. Потом остановился, вернулся и положил мячик рядом с Громким Брюхом.

Совсем ненадолго.

Просто показать.

Потом быстро забрал обратно.

Потому что дружба дружбой, а мячики лучше держать при себе.

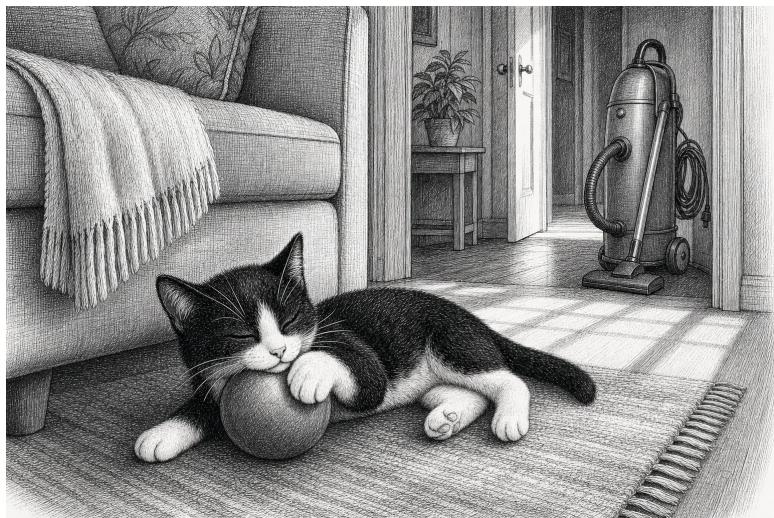
Вечером Ляпа лег возле дивана, положил подбородок на синий мячик и слушал дом. Где-то щелкнула батарея. На кухне тихо вздохнул Дракончик с паром. Занавеска шевельнулась у окна.

А в коридоре стояло Громкое Брюхо.

Оно молчало.

Ляпа прижал мячик лапой.

В коридоре молчало серое Брюхо, и в этом молчании уже слышался не страх, а дальнейшее круглое эхо найденного мячика.

Карта под диваном

Автор: Ольга Ковру

После Громкого Брюха дом стал казаться Ляпе немного просторнее.

Раньше он думал, что у каждой вещи есть одно место. Коврик лежит на полу. Мячик лежит возле коврика. Диван стоит у стены. Подоконник смотрит на крыши. А под диваном, если честно, ничего особенного быть не должно.

Но Громкое Брюхо однажды проехало по комнате, проглотило пыль, сухарик и серые комочки шерсти, а потом вернуло Ляпе синий мячик.

Значит, под вещами могло что-то быть.

И не просто быть.

Ждать.

Ляпа лежал возле дивана, положив подбородок на передние лапки. Его белые носочки стояли ровно рядом, как две маленькие важные печати. Черный хвост тихо постукивал по полу. Белая грудка чуть поднималась и опускалась, а большие уши ловили каждый звук: щелчок батареи, дальнейшее сопение Дракончика с паром на кухне, шуршание занавески у окна.

Под диваном было темно.

Не совсем темно, конечно. У самого пола туда заползала тонкая полоска света. Она была такая плоская, будто кто-

то аккуратно нарезал утро длинным ножом и положил один ломтик под диван.

Ляпа придвинулся ближе.

Из-под дивана пахло деревом, пылью, старой тканью и еще чем-то таким, что не имело имени. Ляпа понюхал внимательнее.

Запах был не новый.

Он был давний.

Ляпа поднял голову.

Давние запахи всегда вели себя странно. Они не кричали, как свежая рыба из миски. Не щекотали нос, как раскрытое окно. Не шли прямо навстречу, как запах мокрой тряпки после уборки.

Давние запахи лежали тихо.

Но если их заметить, они начинали рассказывать.

Ляпа вытянул лапу и осторожно сунул ее под диван.

Лапа сразу стала чужой. Там, под диваном, она исчезла до белого носочка, будто диван ее проглотил, но передумал и оставил конец наружу.

Ляпа пошевелил пальцами.

Что-то маленькое щелкнуло.

Ляпа замер.

Потом зацепил это коготком и потянул к себе.

Из темноты выкатилась пуговица.

Она была круглая, плоская и немного пыльная. В середине у нее было четыре дырочки, и Ляпа сразу решил, что это

не дырочки, а окна.

Пуговица лежала на полу и смотрела четырьмя окнами вверх.

Ляпа обошел ее кругом.

Потом толкнул носом.

Пуговица покатилась и легла на бок.

Теперь она стала колесом.

Ляпа толкнул ее еще раз. Пуговица сделала маленький круг, остановилась и снова стала чем-то важным.

Ляпа решил назвать ее Круглый Дом с Четырьмя Окнами.

Это было хорошее имя.

Он положил Круглый Дом рядом с ковриком и снова заглянул под диван.

На этот раз он пролез глубже.

Сначала под диван вошла голова. Потом плечи. Потом белая грудка. Потом половина черной спинки. Хвост остался снаружи и сердито шевельнулся, потому что его не спросили, хочет ли он участвовать в исследовании.

Под диваном было совсем иначе.

Снаружи диван был мягкий, большой и спокойный. На нем можно было спать, прятать нос в складках пледа и делать вид, что ты никого не слышишь.

А снизу он оказался пещерой на четырех ногах.

Над головой висело темное дно. По углам жили пыльные острова. Между ними тянулись узкие тропинки, по которым могла пройти только лапа, ус или очень решительная мысль.

Ляпа пополз вперед.

Усы задевали пыль.

Пыль шевелилась.

Ляпа чихнул.

Пыль не обиделась. Она просто разлетелась и снова села, только уже в других местах, как будто передвинула мебель в своем маленьком пыльном доме.

В дальнем углу что-то блеснуло.

Ляпа подполз ближе и нашел фантик.

Он был смятый, шуршащий и пах чем-то сладким, хотя сладкого в нем давно не осталось. Ляпа осторожно тронул его лапой.

Фантик зашуршал.

Ляпа отдернул лапу.

Фантик замолчал.

Ляпа снова тронул.

Шур.

Опять тишина.

Очень вежливая вещь, подумал Ляпа. Отвечает только тогда, когда к ней обращаются.

Он взял фантик зубами и вытащил наружу. На свету фантик стал похож на маленькую гору, которую кто-то сложил из шуршания.

Ляпа положил его рядом с Круглым Домом с Четырьмя Окнами.

Теперь возле коврика было уже две находки.

Но под диваном оставалось еще много темноты.

Ляпа нырнул обратно.

На этот раз он нашел старую заколку.

Она лежала у самой ножки дивана, тонкая, изогнутая, с двумя длинными усами. Сначала Ляпа подумал, что это насекомое. Потом подумал, что это рыба. Потом решил, что насекомые и рыбы под диваном не обязаны выглядеть так, как снаружи.

Заколка не шевелилась.

Ляпа потрогал ее лапой.

Она чуть подпрыгнула и тихо звякнула.

Ляпа отпрянул.

Потом медленно вернулся.

Если вещь звякает, это еще не значит, что она опасна. Громкое Брюхо рычало гораздо громче, а оказалось почти полезным.

Ляпа взял заколку за самый кончик и потащил. Закол-ка цеплялась за пыль, за край коврика, за собственную важ-ность, но все-таки вышла наружу.

Ляпа положил ее рядом с фантиком.

Получилось похоже на длинную дорогу.

И тут он понял.

Это были не просто находки.

Это были места.

Пуговица была Круглым Домом с Четырьмя Окнами. Фантик был Шуршащей Горой. Заколка была Дорогой, Ко-торая Звенит. А где-то под диваном, он чувствовал, должно было быть еще что-то, без чего карта не бывает настоящей.

Ляпа снова полез в пещеру.

Теперь он двигался осторожнее. Не потому что боялся. Почти не потому. Просто настоящий исследователь не дол-жен разрушать чужие страны животом.

В самом дальнем месте, куда свет почти не доходил, лежал сухой лист.

Ляпа увидел его не сразу. Лист был темный, тонкий и та-кой неподвижный, что казался кусочком тишины. Но когда Ляпа дунул на него носом, лист чуть дрогнул.

Он пах улицей.

Это было удивительно.

Улица обычно жила за прозрачной дверью, за дальними крышами, за холодным стеклом. Она пахла ветром, мокрой землей, чьими-то шагами и чем-то большим, что нельзя было унести домой.

А этот лист лежал под диваном.

Значит, улица когда-то вошла в дом совсем тихо.

Не через Ляпу.

Не через окно.

Не через крышу.

Она просто пришла и спряталась.

Ляпа очень осторожно взял лист зубами. Он боялся, что лист рассыплется, как старый сон. Но лист выдержал. Он тихонько хрустнул и позволил вынести себя на свет.

На свету оказалось, что у листа есть тонкие жилки. Они расходились в стороны, как дорожки на дворе после дождя.

Ляпа положил лист ниже Шуршащей Горы.

Теперь карта стала настоящей.

Он сел перед ней и долго смотрел.

Круглый Дом с Четырьмя Окнами стоял в середине. От него уходила Дорога, Которая Звенит. За дорогой поднималась Шуршащая Гора. А дальше лежал Сухой Лес, который пах улицей.

Ляпа поводил лапой между предметами.

Вот отсюда можно было пойти к горе.

От горы к лесу.

От леса назад к дому.

А если пройти вокруг пуговицы три раза, то, возможно, попадешь туда, где синий мячик был королем потерянных вещей.

Это место надо было отметить.

Ляпа огляделся.

Синий мячик лежал возле ножки стола и делал вид, что он тут ни при чем.

Ляпа подбежал, толкнул его носом и прикатил к карте.

Мячик лег у края.

Теперь у карты появилось море.

Синее море, которое в черно-белом мире выглядело просто очень важным серым шаром.

Ляпа был доволен.

Он еще не знал, куда ведет карта, но это не мешало ей быть картой. Некоторые вещи сначала появляются, а потом уже объясняют, зачем.

Сзади слышались мягкие шаги.

Мама-кошка Олли подошла бесшумно, как приходят те, кто не хочет спугнуть открытие. Она села у дивана, обвила лапы хвостом и посмотрела на пуговицу, фантик, заколку, сухой лист и мячик.

Ляпа выпрямился.

Он ожидал, что Олли скажет что-нибудь очень важное. Например, что пуговицы не бывают домами. Или что фантики не горы. Или что карты надо составлять иначе.

Но Олли ничего не сказала.

Она только наклонилась и понюхала сухой лист.

Потом посмотрела на Ляпу.

И моргнула.

Очень медленно.

Это означало, что карта принята.

Ляпа сел еще ровнее.

Теперь, когда карта была принята, по ней надо было пройти.

Он осторожно поставил переднюю лапу между Круглым Домом и Шуршащей Горой. Потом вторую. Потом шагнул к Сухому Лесу и наклонился к листу.

Лист пах улицей и временем.

Ляпа не знал, что такое время. Но оно пахло немного похоже на плед, который долго лежал в шкафу, на дальний угол под диваном и на утро, которое уже прошло, но оставило на полу теплую полосу.

Он подумал, что пуговица, может быть, когда-то держалась за что-то большое и мягкое. Фантик когда-то был гладким и полным сладкого запаха. Заколка когда-то жила выше пола и знала, как выглядит комната сверху. Лист когда-то шумел на ветке и видел небо без стекла.

А теперь все они лежали перед Ляпой.

Не потерянные.

Найденные.

Это было совсем другое дело.

Ляпа подвинул пуговицу ближе к фантику.

Потом передвинул заколку так, чтобы она вела к листу.

Потом мячик укатился сам.

Ляпа догнал его и вернул на место.

Море не должно уплывать без предупреждения.

Олли тихонько легла рядом и положила голову на лапы. Она не мешала. Иногда это было самым лучшим способом помогать.

Ляпа еще немного ходил по карте. Потом лег посередине, очень аккуратно, чтобы не раздавить Сухой Лес и не сдвинуть Дорогу, Которая Звенит.

Карта получилась теплая, потому что лежала на полу в солнечной полоске.

Ляпа закрыл глаза.

Ему снилось, что под диваном есть не пыль, а целая страна. В ней пуговицы светят окнами, фантики становятся горами, заколки ведут через ущелья, а сухие листья помнят дорогу к улице.

Когда он проснулся, солнце передвинулось.

Карта стала немного другой.

Пуговица лежала там же. Фантик тоже. Заколочка блестела тонким краем. Лист чуть повернулся, будто за время сна успел услышать новый ветер.

Ляпа не стал поправлять его обратно.

Ляпа понюхал лист и оставил его как есть.

Если лист сам повернулся к новому ветру, значит, на карте появился новый поворот.

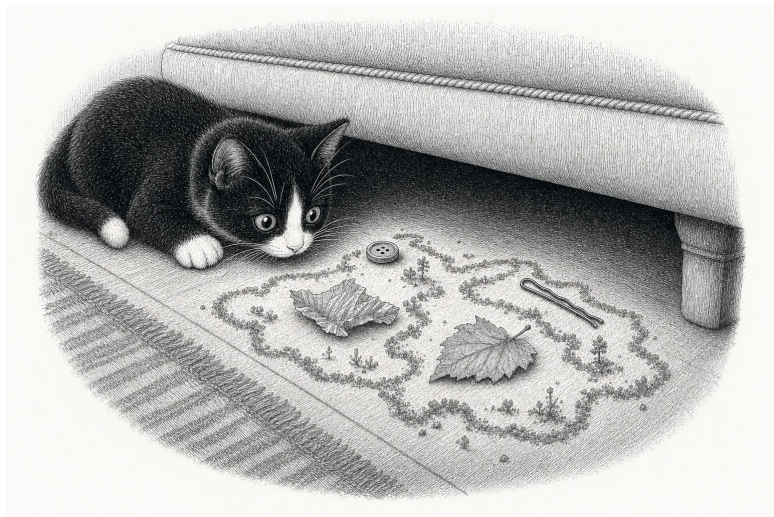
Вечером Ляпа спрятал пуговицу под край коврика, фантик придвинул к ножке дивана, заколочку оставил там, где она могла изображать дорогу, а сухой лист положил возле синего мячика.

Пусть все думают, что это просто вещи.

Ляпа лег у дивана и прищурился в темную щель.

Там уже не просто лежала пыль.

Там тихо начиналась страна, которую нужно было обходить на белых носочках.

Дверь, которая пахнет улицей

Автор: Ольга Ковру

После карты под диваном Ляпа стал внимательнее относиться к щелям.

Раньше щель была просто местом, куда закатывается мячик или куда слишком удобно уходит пыль. Но теперь Ляпа знал: в щелях могут прятаться дороги, старые запахи и целые страны, которые ждут, пока кто-нибудь сунет туда нос.

Самая большая щель в доме жила у входной двери.

Дверь была высокая, тяжелая и спокойная. С одной стороны от нее лежал коврик, на котором Ляпа иногда устраивал охоту на собственный хвост. С другой стороны, если верить запахам, начиналось что-то совсем другое.

Ляпа давно это подозревал.

Дверь пахла не как дом.

Дом пах пледом, деревом, миской, теплой батареей, сонным ковриком и мамой-кошкой Олли. Еще дом пах Дракончиком с паром, который на кухне тихо вздыхал по утрам, и Громким Брюхом, когда оно стояло в коридоре и делало вид, что никого не ело.

А дверь пахла холодным камнем.

Чужими шагами.

Ветром, который не знал, где его миска.

И чем-то большим, что не помещалось в комнате.

Ляпа сидел перед дверью и смотрел на нее снизу вверх. Белые носочки были аккуратно поставлены на коврик. Черная спинка выгнулась чуть-чуть, не от страха, конечно, а от очень серьезного внимания. Большие уши стояли остро, как две башенки на крыше.

Внизу под дверью лежала тонкая темная линия.

Оттуда и шел запах.

Ляпа придвинулся ближе.

Понюхал.

Потом еще ближе.

Понюхал так осторожно, что даже усы старались не шуметь.

Из-за двери пахнуло прохладой.

Ляпа отодвинулся на полшага.

Потом сделал вид, что просто поправляет лапу.

Потом снова придвинулся.

Нельзя же отступать только потому, что дверь умеет пахнуть.

Дверь молчала.

За ней что-то гулко стукнуло.

Ляпа подпрыгнул и оказался у коврика так быстро, будто коврик сам его поймал.

Он сел, выпрямился и посмотрел на дверь с укором.

Двери, которые пахнут улицей, должны предупреждать, когда за ними что-то стучит.

Мама-кошка Олли лежала неподалеку у стены. Она под-

няла голову, посмотрела на Ляпу, потом на дверь, потом снова на Ляпу.

Она не сказала ничего.

Олли часто не говорила ничего именно тогда, когда Ляпа очень хотел услышать объяснение. Но, если подумать, объяснения не всегда помещались в кошачий рот. Иногда они помещались только в лапы.

В этот момент дверь вдруг щелкнула.

Ляпа замер.

Щелк был маленький, но после него мир изменился.

Высокая тяжелая дверь приоткрылась совсем чуть-чуть. Не настолько, чтобы сразу выпустить улицу в дом. Но достаточно, чтобы запах стал сильнее.

В щель вошел холод.

Он прошел по полу тонкой лапой и коснулся Ляпиных усов.

Ляпа зажмурился.

Холод пах лестницей.

Сырой стеной.

Далеким железом.

И множеством котов, которых Ляпа никогда не видел.

Это было слишком много для одного носа.

Ляпа открыл один глаз.

Щель не исчезла.

Дверь стояла приоткрытая и ждала.

Ляпа посмотрел на Олли.

Олли медленно моргнула.

Это не было приказом идти. И не было разрешением не идти. Это было что-то третье: тихое место, где Ляпа мог сам решить, какой лапой он сегодня будет смелым.

Ляпа поднялся.

Подошел к двери.

Понюхал край.

Потом просунул нос в щель.

Снаружи было серо.

Не серо, как пыль под диваном. И не серо, как Громкое Брюхо. Это было другое серое: высокое, прохладное, каменное. В нем жили эхо и дальние углы.

Ляпа осторожно поставил одну белую лапку за порог.

Пол там был холодный.

Ляпа сразу понял, что это не домашний пол. Домашний пол знал Ляпу давно и держал его мягко. Этот пол был новый, ровный и строгий. Он не собирался никого уговаривать.

Ляпа убрал лапу обратно.

Потом поставил снова.

Холод никуда не делся.

Но и Ляпа тоже.

За дверью была площадка.

Она оказалась меньше улицы, но больше коридора. Слева уходили вниз ступени. Справа поднимались вверх другие ступени. Впереди стояла чужая дверь, за которой кто-то когда-то жил, ел, ходил, открывал окна и, возможно, держал у себя совершенно неизвестный мячик.

Ляпа вытянул шею.

Пахло очень сложно.

Камнем.

Металлом.

Деревом.

Старой краской.

Дождем, который давно высох.

Чужой обувью, хотя самой обуви видно не было.

И еще котом.

Ляпа замер.

Запах кота был не Оллин. Не Ляпин. Не тот, который иногда прилетал с подоконника, когда ветер приносил новости с крыш.

Этот запах был спокойный, сухой и немного пыльный. Как книжка, которую давно не открывали, но в которой все страницы на месте.

Ляпа сделал еще один шаг.

Теперь обе передние лапы были за порогом, а задние оставались дома. Это было удобное положение для настоящего

исследователя, который хочет узнать мир, но не хочет, чтобы мир слишком быстро узнал его целиком.

Где-то выше скрипнула ступенька.

Ляпа присел.

Хвост стал толще.

Из тени на лестнице появился кот.

Он был старый, длинный и худой. Шерсть у него лежала не так гладко, как у Ляпы, а местами торчала маленькими задумчивыми прядками. Усы были длинные, но не торопливые. Глаза смотрели так, будто они уже видели много дверей и не считали нужным удивляться каждой.

Кот остановился на ступеньке.

Ляпа попятился так быстро, что задние лапы сразу вспомнили дом.

Старый кот не пошел за ним.

Он сел.

Просто сел на ступеньку, подогнул лапы и посмотрел на Ляпу.

Так смотрят не те, кто собирается нападать.

Так смотрят те, кто знает, что лестница никуда не убежит.

Ляпа высунул из-за двери нос.

Старый кот моргнул.

Ляпа моргнул в ответ, но чуть быстрее, потому что был еще не совсем уверен, что это безопасный обычай.

Старый кот сказал:

— Филимон.

Ляпа понял не сразу.

Потом понял, что это имя.

Имя было длинное, мягкое и немного скрипучее, как старая ступенька. Оно очень подходило старому коту.

Ляпа тихо сказал:

— Мрр.

Это было не совсем имя, но для первого разговора на холодном камне вполне годилось.

Филимон посмотрел на открытую дверь.

Потом на Ляпины лапы.

— Пол кусается? — спросил он.

Ляпа опустил глаза.

Каменный пол действительно немного кусался. Не зубами. Холодом.

— Немного, — сказал Ляпа.

Филимон кивнул так, будто это было очень разумное замечание.

— Первый камень всегда кусается сильнее остальных.

Ляпа подумал.

Если есть первый камень, значит, где-то должны быть второй и третий. А может быть, целая каменная страна.

Он осторожно поставил переднюю лапу на площадку снега.

Камень укусил.

Но это был уже не просто пол.

Это был первый камень, и с именем он кусался чуть по-

нятнее.

Ляпа сделал еще один шаг.

Теперь за порогом были три лапы.

Четвертая оставалась дома и очень внимательно следила за обстановкой.

Филимон не смеялся.

Он смотрел куда-то вниз по лестнице, где пахло улицей сильнее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.